

А. В. СМОЛЯК

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДНОСТЕЙ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ

История народностей, населяющих наше Приамурье и Приморье, еще не изучена. Вопросы их древних судеб выяснить очень сложно, ибо эти народности в прошлом не имели своей письменности и оставили только вещественные памятники.

Археологическое изучение Советского Приморья ведется в настоящее время весьма интенсивно; районы же нижнего течения р. Амур изучены еще крайне недостаточно¹. Но даже если бы эти археологические памятники были исследованы сами по себе хорошо, еще нужно решить, в какой степени их можно использовать для характеристики культуры предков современных обитателей этой территории.

Время и пути формирования современных этнических групп, населяющих низовья Амура и Приморья, еще являются предметом исследования.

Интерес к прошлому нашего Приморья возник уже в 60—80-х годах XIX в.; в периодической печати того времени одно за другим появляются сообщения о находках в южной части бассейна р. Уссури развалин древних крепостей, рвов, дорог, городов. Первые систематические исследования там были проведены архимандритом Палладием (Кафаровым). Обнаруженные памятники древней культуры он впервые связал с историей Маньчжурии и отнес их к периодам существования государств Бохай и Цзинь², о которых сообщали китайские письменные источники. Позднее там производил раскопки археолог Ф. Буссе, обнаруживший в Приморье памятники более ранней культуры; он связал их с племенами илоу, о которых также сообщали китайские исторические хроники³.

В хрониках сообщалось, что в древности на территории Маньчжурии жили племена сушэнь (с древнейших времен до III в. до н. э.), илоу (появились после сушэней и жили до IV—V вв. н. э.), мохэ (V—VI—VIII—IX вв. н. э.); что в VIII—начале X в. на территории Маньчжурии существовало государство Бохай (пало под натиском киданей), а с начала XII до XIII в.— государство чжурчженей (Цзинь).

Точка зрения Ф. Буссе была поддержана многими учеными, и о племенах илоу стали писать как об обитателях Приморья в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры. Вполне закономерно, что вслед за признанием илоу древними племенами Приморья исследователи писали

¹ Археологические разведки были здесь проведены в 1935 г. А. П. Окладниковым, но богатые материалы этой экспедиции до сих пор почти не опубликованы. Результаты проведенных работ отражены лишь в трех небольших по объему статьях А. П. Окладникова: «К археологическим исследованиям 1935 г. на Амуре» («Сов. археология», 1936, № 1), «Древнее поселение в пади Большой Дурал на Амуре» («Сов. археология», XV, 1951) и «Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока» («Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941).

² Палладий, Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край, «Изв. Русского географического Об-ва» (РГО), т. VII, № 2, 1871.

³ Ф. Буссе, Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ, Улахэ, «Записки об-ва изучения Амурского края», Владивосток, 1888.

о сушэнях и о мохэ, как о народностях, также обитавших в Приамурье и Приморье.

Литература о сушэнях, илоу, мохэ, бохайцах, чжурчженях очень обширна, причем эти племена и народности всегда считались предками маньчжуров.

Об этом писали сами маньчжуры и китайцы. В «Мань-чжоу юань-лю-као» император Цянь-Лун сообщал, что цзинь произошли от рода мохэ на старой территории сушэней, и что цзинь — предки маньчжуров⁴. Палладий указывал, что, согласно китайским данным, сушэнь — это чжурчженни и предки маньчжуров; точно такой же точки зрения придерживались и другие русские востоковеды, основываясь на данных китайских хроник⁵.

Современные китайские авторы (Хуа Шань, Ван Гэн-тан) также считают сушэней, илоу и мохэ предками чжурчженей⁶. Западноевропейские китаеведы XIX в. разделяли эту точку зрения⁷.

Весьма примечательно, однако, что китайские и западноевропейские историки, а также русские ориенталисты не проявляют тенденции помещать сушэней, илоу и мохэ непременно в низовьях Амура или в Приморье. Об этом стали писать русские исследователи, практически работавшие в этих районах в более поздний период. Взгляды Ф. Буссе поддерживали А. В. Гребенщиков⁸, А. Н. Липский⁹, Н. А. Липская¹⁰, А. М. Золотарев¹¹. Они писали о сушэнях, илоу и мохэ, как о предках современных народностей, проживающих ныне в Приамурье и Приморье (нанайцев, ульчей, нивхов, орочей). Однако ни в одной работе указанных авторов не делается попытки поставить вопрос о том, в какой степени оправдана такая идентификация.

Очень много для выяснения ранних этапов истории советского Приморья сделано советскими археологами. А. П. Окладников в работах, посвященных проведенным в Приморье археологическим исследованиям, следует установившейся в литературе традиции: он говорит о племенах илоу и мохэ, живших в древности в Приамурье и Приморье. В чрезвычайно интересной, богатой новыми фактами работе «У истоков культуры народов Дальнего Востока» (1954) он развивает мысль, что в Приамурье и

⁴ См. Terrien de Lacouperie, The Djurtchen of Manchuria, «Journal of the Royal Asiatic Society», New Series, т. XXXI. London, 1889, стр. 436. Эти данные приведены и в хронике XII—XIII вв. (см. «Цзинь-ши», перевод А. Малявкина, Харбин, 1942).

⁵ См. Палладий, Дорожные заметки на пути от Пекиа до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г., «Записки РГО по общей географии», т. IV, 1871, стр. 387; А. Горский, Начало и первые дела маньчжурского дома, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. I, Пекин, 1858, стр. 4; Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—III, М.—Л., 1950—1953; т. II, стр. 8; В. П. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., Труды Восточного отдела Русского археологического общества, ч. IV, вып. I, 1858, стр. 30—31, 196—197.

⁶ Хуа Шань, Ван Гэн-тан, О разложении родового строя и образовании государства у чжурчженей, «Вэньшичжэ», 1956, № 6 (на кит. языке).

⁷ См. Terrien de Lacouperie, Указ. раб., стр. 432—434, 440; E. Parker, The Manchus, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», т. XV, Jokohama, 1887; H. E. James, The long white mountain, London, 1888, гл. II.

⁸ А. В. Гребенщиков, Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912, стр. 1—7.

⁹ А. Н. Липский писал, что группа мохэ (хэй-шуй-бу) обитала по нижнему течению Амура, от устья Сунгары до океана; в IV—X вв. «племя хэй-шуй, т. е., видимо, нынешние гольды, стояли на низкой ступени развития; это племя получило свое имя по названию нижнего течения Амура — Хэй-шуй» (см. его статью «Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура» в сборнике «I туземный съезд Дальне-Восточной области», Хабаровск, 1925, стр. VII).

¹⁰ См. «Народы Сибири», М.—Л., 1956 (глава «Нанайцы», исторический очерк).

¹¹ А. М. Золотарев, К вопросу о генезисе классового образования у гилжков, «За индустриализацию Советского Востока», 1933, № 3. В другой работе он писал более осторожно; «Сушэнь, илоу, мохэ — собирательные названия для ряда древних племен, считающихся предками тунгусо-маньчжуров. Вероятно, неолитическое население Амура входило в число народов, собирательно обозначавшихся китайскими летописями под этими названиями» (А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 7).

Приморье с древнейших времен развивалась культура племен илоу, мохэ, бохайцев и чжурчженей. Уже племена илоу в Приморье знали земледелие, скотоводство, ткачество; их культуру наследовали мохэ, бохайцы. Нанайцы, ульчи, нивхи — потомки этого древнего населения. «Монголы варварски разрушили земледельческую культуру приморских племен и физически уничтожили или увели в плен ее носителей... Удар, нанесенный монгольскими завоевателями, был настолько силен и опустошителен, что Приморье и соседние с ним районы Дальнего Востока уже не могли более оправиться и остались в запустении вплоть до того момента, когда там в половине XVII в. появились русские и заложили основу новой, несравненно более передовой и высокой культуры... Потомки же древнего населения Приморья, создавшего в течение веков яркую и своеобразную культуру, — ульчи, гиляки и нанайцы — в дружной семье советских народов создают теперь новую, социалистическую культуру Дальнего Востока»¹². В той же работе проводится мысль, что культура бохайского и чжурчженского государства выросла на почве, подготовленной племенами мохэ и илоу¹³.

Мы уже отмечали, что вся востоковедческая литература признает сушэней, илоу, мохэ, бохайцев, чжурчженей предками маньчжуров. Сказать, что эти же племена явились и предками современных народов Приамурья и Приморья, — значит предопределить вопрос о происхождении последних. Между тем, этногенез народов Приамурья и Приморья до конца еще не выяснен и время их формирования не установлено. По имеющимся ныне данным, происхождение этих народов весьма сложно; в их состав вошли самые различные компоненты. Но проблема этногенеза — это тема самостоятельного исследования; автор данной статьи хочет лишь обратить внимание на то, что вопрос о расселении сушэней, илоу и мохэ, судя по литературным данным, до сих пор не является вполне ясным.

Согласно китайским источникам, сушэни жили в Маньчжурии с древнейших времен до III в. до н. э. Иногда их представители появлялись в Китае, принося в качестве дара луки и стрелы из дерева «ку» с каменными наконечниками. Сведения о сушэнях, приводимые китайскими хрониками, крайне скудны, что объясняется, по-видимому, недостаточным знакомством китайских летописцев с отдаленными областями Маньчжурии¹⁴ (хотя археологические данные могут свидетельствовать о наличии каких-то связей древних обитателей Приморья с китайцами). В китайских сочинениях новейшего времени (XVIII—XX вв.) появляются попытки определить по китайским древним хроникам границы расселения сушэней¹⁵, хотя в древности вопросами их расселения, естественно, никто не занимался. Однако определить территорию расселения сушэней, которые на протяжении тысячелетий жили в стране, недостаточно знакомой китайцам, — вещь совершенно нереальная; тем более нельзя говорить о точной локализации сушэней в низовьях Амура или Приморья. Этот вопрос, конечно, не ставился древними китайскими авторами, которые плохо знали столь отдаленные земли (хотя и слышали о существовании Амура).

По-видимому, именем сушэнь китайцы называли все население Маньчжурии, безотносительно к его этнической принадлежности, а возможно, и население более северных районов¹⁶.

¹² А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока, сб. «По следам древних культур». М., 1954, стр. 259—260.

¹³ Там же, стр. 258.

¹⁴ Д. Н. Позднеев вообще сомневается в существовании сушэней: «... существование сушэней подвергается сомнению за недоказанность сведений о них» («Описание Маньчжурии», т. I, СПб., 1897, стр. 7).

¹⁵ Это, в частности, попытался сделать Ху-Вэй, автор книги «Юйгун-Чжунчжи» (1633—1714); см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, 1950, стр. XXV.

¹⁶ В «Да-мин и-тун-чжи», изданной в 1461 г. в Пекине, говорится, что к произведениям страны сушэнь относятся «китовые зрачки» и «моржовые клыки» (цит. по рукописному переводу Н. В. Кюнера; стр. 105 указаца по китайскому оригиналу).

Гораздо больше сведений китайские хроники сообщают о племенах илоу, которые жили в Маньчжурии, начиная с последних веков до нашей эры. Илоу, согласно этим данным, жили оседло, занимались земледелием, свиноводством и охотой, строили землянки, делали хорошие луки и стрелы с каменными наконечниками, умели строить суда; соседи страдали от их набегов¹⁷.

О территории расселения илоу китайские хроники говорят: «...На востоке прилежат к Великому морю, на юге смежны с во-цзюй. Как далеко простираются на север — неизвестно»¹⁸. Западная граница илоу здесь также не определяется. Итак, илоу жили в районах, с востока омываемых «Великим морем». Раскопки, проведенные за последние годы в южных частях Советского Приморья, в значительной степени дополняют сведения китайских хроник о культуре приморских илоу. Советские археологи относят эпоху «раковинных куч» к периоду существования в Приморье илоуских племен¹⁹. У населения Приморья в эту эпоху существовала специализированная культура рыболовов и морских зверобоев, которые строили крупные морские суда. Находки здесь каменных зернотерок и пряслиц свидетельствуют, по мнению А. П. Окладникова, о развитии у приморских илоу земледелия и ткачества²⁰.

В подтверждение тезиса о высокой культуре обитателей этих мест приводятся сведения из мало известной в научной литературе китайской хроники, в которой говорится, что «основой хозяйства илоу были земледелие и скотоводство: они имели пять видов [хлебных] злаков, коров, лошадей; кроме того, они любили разводить свиней, занимались охотой на соболей»²¹.

А. П. Окладников приводит эти сведения китайских хроник, не комментируя их, хотя они никак не согласуются с той картиной культуры илоу, которая вырисовывается на основе раскопок, произведенных в Приморье. Действительно, приморские «илоу» — это морские зверобои, охотники, у которых лишь найденные в незначительном количестве каменные зернотерки могут рассматриваться как косвенное свидетельство наличия земледелия²². Наличие каменных зернотерок, думается, не является неопровержимым доказательством существования здесь земледелия, так же как и наличие пряслиц не служит доказательством существования ткачества у приморских илоу. На зернотерках можно было растирать ягоды черемухи и других растений; зернотерками илоу могли также пользоваться, приобретая от своих юго-западных соседей зерна гаоляна или проса. Пряслица могли употребляться при изготовлении с помощью веретена нитей для сетей²³. В Приморье не было обнаружено также ни костей лошадей, ни костей коров — животных, которых, как говорится в китайских хрониках, разводили илоу.

Доказательство наличия у племен илоу земледелия А. П. Окладников видит также в употреблении ими полунунных каменных ножей с отверстиями; такие ножи в древнем Китае употреблялись в качестве серпов. Но сходные по форме ножи с отверстиями были найдены при археологических

¹⁷ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. II, стр. 23—24.

¹⁸ Там же, стр. 23.

¹⁹ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта, М., 1956, стр. 409—410 (автор раздела «Племена Сибири и Дальнего Востока» — А. П. Окладников).

²⁰ «Очерки истории СССР...», стр. 409—410.

²¹ Там же, стр. 410.

²² А. П. Окладников, *У истоков культуры народов Дальнего Востока*, стр. 251.

²³ Многие северные народности Сибири и Дальнего Востока изготовляли сети из красивых ниток, спряденных с помощью веретена; веретена были известны даже такой северной народности, как юкагиры. Но нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании у этих народностей в прошлом искусства ткачества.

раскопках на Чукотском полуострове, однако никто не рассматривает их как доказательство существования здесь земледелия.

Данные о культуре земледельческих илоуских племен, содержащиеся в китайских хрониках, не могут быть отнесены к населению приморских районов. Они касаются населения иных мест. В данных китайских хроник о расселении илоу не указана ни северная, ни западная границы обитания этих племен.

Н. Я. Бичурин писал, что илоу жили в восточной части Гириньской провинции²⁴. Но, по-видимому, область расселения этих племен была шире: они обитали также в западных районах и в южной Маньчжурии. Об этом свидетельствуют данные топонимики: в 60—80 ли от Мукдена, по сообщению Палладия, расположено местечко Илоу, «построенное на месте старинного города Илоусяня, названного так в память древнего народа Маньчжурии — илоу»²⁵. На исторической карте, составленной самим Н. Я. Бичуриным и приложенной к книге «Собрание сведений...», племя илоу отмечено в местности, расположенной несколько севернее Мукдена. В географическом описании Маньчжурии, переведенном с китайского языка В. П. Васильевым, упоминается местечко Илоу в 35 верстах к северу от Мукдена, где находятся развалины древнего города Илоу²⁶. В «Историческом атласе Китая», изданном в 1935 г.²⁷, илоу помещены к юго-западу и юго-востоку от озера Ханка.

По всей вероятности, племена илоу занимали обширную область, которая включала район современного города Мукдена с его окрестностями, бассейн Сунгари — реки, проходящей через всю территорию Маньчжурии, и земли к востоку от этой реки. Еще более вероятно предположение, что название илоу (как и сушэнь) китайцы давали не определенному народу, но обитателям большей части Маньчжурии²⁸.

Естественно, что на столь обширной территории обитали племена различного уровня развития; данные же китайских хроник суммарны и не учитывают этих различий.

Механически переносить на население приморских районов все культурные достижения илоу центральных районов, о которых говорится в китайских хрониках, было бы неправильным.

В III в. н. э. в китайских исторических источниках появляется название «уги», относимое к племенам, обитавшим в Маньчжурии (некоторые авторы сближают название уги с уцзи, воцзи, что в переводе значит «лесные»). Большинство синологов XIX в. признавало, что уцзи были мохэскими лесными племенами, но название мохэ появляется в хрониках лишь с V—VI вв. О племенах мохэ в китайских исторических хрониках сообщается, что они занимаются земледелием, разведением свиней и лошадей, охотой и рыболовством, а также торговлей (продажей киданям мехов, рыбьих шкурок и рыбьего клея, лошадей)²⁹. Жили мохэ зимой в землянках со входом сверху, а летом — в шалашах.

По сообщению китайских источников, мохэ делились на семь «поколений», из которых самое южное занимало районы, смежные с государством Гаоли на севере Корейского полуострова. К сожалению, китайские хроники не дают определенных сведений о местах обитания всех мохэских пле-

²⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 24.

²⁵ Палладий, Дорожные заметки..., стр. 373.

²⁶ В. П. Васильев, Описание Маньчжурии, «Записки РГО», т. XII, 1857, стр. 63.

²⁷ Albert Hergmann, Historical and commercial atlas of China, Cambridge—Massachusetts, 1935, карты 27 и 31.

²⁸ Подтверждением этому служит мнение П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чирикова о том, что в область распространения илоу входила «вся восточная часть Хэйлуцзянской провинции и Гириньская провинция, а впоследствии и Уссурийский край («Северная Маньчжурия», т. II, Хэйлуцзянская провинция, Харбин, 1919, стр. 417); границей Хэйлуцзянской и Гириньской провинций, как известно, была р. Сунгари».

²⁹ В. П. Васильев, История и древности Восточной части Средней Азии, стр. 27.

мен; известно лишь, что группа мохэ жила по Сунгари (сумо мохэ) и по Амуру (черноречные — хэй-шуй мохэ, от китайского названия Амура — Хэй-шуй, буквально — Черная река)³⁰.

Н. А. Липская, А. Н. Липский и А. М. Золотарев утверждали в своих работах, что черноречные мохэ обитали по нижнему течению Амура³¹. А. В. Гребенщиков полагал, что средоточием всех племен мохэ были земли по р. Сунгари и по Амуру, где мохэ расселились до самого устья³². Эта точка зрения воспринята и другими современными историками³³.

А. П. Окладников писал, что мохэские племена, жившие в Приморье, в долинах Уссури и Амура, занимались земледелием и скотоводством, изготовляли железные орудия; они вступали в прямые сношения с Китаем, с 417 г. регулярно направляя посольства к китайскому двору, но большая часть мохэ была независима от Китая, и соседи боялись их³⁴.

При внимательном рассмотрении исторических источников можно убедиться, что в них нет никаких сведений об обитании мохэ на нижнем Амуре. Сообщения о черноречных мохэ касаются совершенно иного района.

Н. Я. Бичурин сообщает, что черноречные мохэ жили в Хэйлунцзянской провинции³⁵, которая, как известно, с севера была ограничена Амуром, а с востока — Сунгари. Более того, он указывает, что они «занимали правую сторону Амура в верховьях сей реки... Они принадлежали к числу тех тунгусских поколений, потомки которых ныне обитают по обоим берегам Науна под родовыми названиями солонов и дахуров»³⁶. А. В. Гребенщиков считает, что название хэй-шуй мохэ происходит от названия Хэй-шуй, которое китайцы давали не всему Амуру, а только среднему его течению³⁷, и что устье р. Бира было западной границей расселения мохэ по Амуру.

В верховьях Амура, вплоть до устья р. Зеи, найдено много археологических памятников (развалины крепостей, рвы, валы); археолог Г. С. Новиков-Даурский рассматривает их как мохэские³⁸. Современные китайские историки именно здесь, а не в низовьях реки, помещают черноречных мохэ — предков чжурчженей³⁹.

Черноречные мохэ жили по Амуру и западнее устья Зеи. Это подтверждают данные топонимики: на Амуре и поныне сохранилось название Мохэ для местечка, расположенного близ слияния Шилки и Аргуни⁴⁰.

³⁰ А. В. Гребенщиков, Дальний Восток. Исторический очерк, «Северная Азия», 1926, № 5—6, стр. 100; его же, Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912, стр. 3—4.

³¹ Н. А. Липская, Указ. раб.; А. М. Золотарев, Из истории народов Амура, «Исторический журнал», 1937, № 7; А. Н. Липский, Указ. раб., стр. VII.

³² А. В. Гребенщиков, Дальний Восток..., стр. 105.

³³ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма», ч. I, М., 1953, стр. 746.

³⁴ А. П. Окладников, У истоков культуры..., стр. 257. В разделе о древних племенах Дальнего Востока в труде «Всемирная история» (т. II, М., 1956, стр. 719—720) говорится, что илоу и мохэ жили в приморских районах и на Амуре, занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и охотой; мохэ вели торговлю с китайцами и корейцами. Все семь племен мохэ автор раздела помещает на Амуре, указывая лишь, что в низовьях реки и на Уссури жили наиболее отсталые мохэ.

³⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 8.

³⁶ Там же, т. I, стр. 380.

³⁷ А. В. Гребенщиков, Дальний Восток..., стр. 105. Китайцы делили Амур на его протяжении по цвету воды: река Сунгари приносит в Амур мутные, глинистые воды, и, начиная от места ее впадения в Амур, вода его становится светлой, резко отличаясь от чистой «черной» воды, которую имеет Амур в верхнем и среднем течении; это обычно отмечается во всех географических описаниях Маньчжурии.

³⁸ Г. С. Новиков-Даурский, Приамурье в древности, «Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения», т. II, Благовещенск, 1953. А. П. Окладников считает вполне правомерным отнесение этих памятников к племенам мохэ. См. его рецензию на указанную работу Г. С. Новикова-Даурского в сборнике «Сов. археология», XXII, 1955.

³⁹ Хуа Шань и Ван Гэн-тан, Указ. раб.

⁴⁰ Д. Н. Позднеев, Описание Маньчжурии, т. I, СПб., 1897, карта.

В отрогах Хингана берет начало р. Мохэ (русское название Желтуга), впадающая в Амур ⁴¹.

На карте, приложенной к книге З. Н. Матвеева «Бохай», черноречные мохэ помещены в районе верхнего и среднего течения р. Амур ⁴².

Таким образом, нет неоспоримых данных, которые говорили бы, что черноречные мохэ жили по нижнему течению Амура; свидетельств же их расселения по среднему и верхнему течению имеется достаточно. Нет также оснований считать, что амурские мохэ были сильнейшими из всех других мохэских племен. Напротив, здесь была периферия расселения мохэ, и амурские мохэ оставались в стороне от всех событий, происходивших в более южных районах Маньчжурии.

Многочисленные данные китайских хроник о сношениях мохэ с Китаем касаются тех групп, которые обитали в районах, расположенных значительно южнее р. Амур. В хрониках неоднократно указывается, что с корейским владением Гаоли граничили мохэские племена ⁴³. Именно эти южные группы вступали в сношения с Китаем и Гаоли; в борьбе последних между собою они принимали то сторону Китая, то сторону Гаоли. В VII в. мохэ окончательно стали союзниками Гаоли; во всех сражениях всегда впереди выступала сильнейшая мохэская конница, насчитывавшая десятки тысяч всадников. В китайских хрониках Бэй-ши, Суй-шу и Тан-шу имеется по этому поводу много сообщений ⁴⁴.

Мохэская знать иногда завладевала корейскими землями. Так, в VII в. мохэ получили часть владения Боцзи, расположенного в южной Маньчжурии ⁴⁵. Отец основателя государства Бохай — мохэец с верховьев р. Сунгари — имел владение в Гаоли ⁴⁶. Между мохэцами и корейцами, по-видимому, не было столь резкой географической границы, какая образовалась позднее между Маньчжурией и Кореей. Мы полагаем, что какие-то группы корейцев вследствие тесных связей вошли в состав южных маньчжуров; в свою очередь отдельные группы маньчжуров входили в состав северных корейцев.

Итак, племена мохэ занимали обширную страну от верхнего и среднего течения Амура на севере до границ Кореи на юге. Население этой территории было неоднородным по своему этническому составу и по уровню культурного развития.

В «Очерках по истории СССР» говорится: «Мохэские племена по языку принадлежали к тунгусо-маньчжурской группе»; потомками нижнеамурских и уссурийских мохэ «являются нанайцы (гольды), обитающие сейчас по рр. Уссури и Амуру около Хабаровска» ⁴⁷. По нашему мнению, этого утверждать никак нельзя, так как о языке мохэ не имеется почти никаких сведений, а специальных исследований в этой области не проводилось.

Считать мохэ предками нанайцев нет оснований не только потому, что амурские мохэ обитали в верховьях и среднем течении Амура, а нанайцы ныне живут по Уссури и нижнему течению Амура ⁴⁸, не только потому, что этнический состав нанайцев очень сложен и они включают роды различного происхождения ⁴⁹, но и потому, что, сказав — нанайцы произо-

⁴¹ С юй Цзюнь-лян, Очерки Хэй-лун-цзяня, Перевод с китайского, Приложение к газете «Жизнь на восточной окраине», кн. I, Чита, 1896, стр. 18.

⁴² З. Н. Матвеев, Бохай, Труды Дальневосточного государственного университета, серия 6, № 7, Владивосток, 1929.

⁴³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 91, 98 и др.

⁴⁴ Там же, т. II, стр. 69—72, 83, 85, 92, 104—105, 111—112, 118, 129; т. III, стр. 28.

⁴⁵ Там же, т. II, стр. 129.

⁴⁶ Там же, стр. 136.

⁴⁷ «Очерки по истории СССР. Период феодализма», стр. 746. Об этом писал и А. Н. Липский (Указ. раб., стр. VII).

⁴⁸ Можно допустить, что какие-то группы мохэ со среднего течения Амура могли переселиться в его низовья, но это еще нуждается в доказательствах.

⁴⁹ Они включают в свой состав, например, очень много эвенкийских родов и какие-то остатки доэвенкийского аборигенного населения.

шли от мохэ — мы ничего не определим. Мохэ — это собирательное название для населения обширной территории Маньчжурии, разнородного как по этническому составу, так и по уровню культурного развития.

Их западными соседями были племена шивэй, которые, судя по данным китайских хроник, также были весьма неоднородными по культуре. Об этнической принадлежности их трудно что-либо сказать. Даже этническая принадлежность киданей (также западных соседей мохэ), о которых сохранилось гораздо больше сведений в исторических источниках, до сих пор не вполне ясна.

Были ли мохэ, илоу, сушэнь тунгусами? Этот вопрос очень сложен и выходит за рамки настоящей работы. Существуют различные теории об их происхождении. Можно думать, что авторы «Очерков по истории СССР» считают мохэ тунгусо-маньчжурами. Считали тунгусами все население Маньчжурии и историки XIX — начала XX в. (Горский, Бичурин, Матвеев и др.), причем Бичурин даже корейцев относил к южным тунгусам⁵⁰. Однако спустя почти пятьдесят лет после появления теории Н. Я. Бичурина, считавшего тунгусов аборигенами Маньчжурии, П. П. Шмидтом была выдвинута новая теория — о существовании в Маньчжурии дотунгусского населения⁵¹. Автор данной статьи не ставит задачи решить вопрос об этнической принадлежности мохэ, илоу, сушэней; однако думается, что его ныне нельзя решать так просто, как это делалось во времена Н. Я. Бичурина. История мохэского населения нам неизвестна, а скудные, весьма суммарные данные о нем китайских хроник дают слишком мало для конкретного представления об этом населении. Что представляли собой в этническом и культурном отношении различные группы мохэ? Каковы были их взаимоотношения? Как они развивались на протяжении нескольких веков и какова была поздняя история отдельных групп? На все эти вопросы китайские хроники, конечно, не дают никакого ответа.

Что касается истории мохэ в VIII—X вв., то принято считать, что они в этот период целиком вошли в состав Бохайского государства. Однако имеются данные о том, что некоторые группы мохэ остались вне этого государства⁵². История этих обособленных мохэских групп (особенно южных) в VIII—X вв. и позднее совершенно не выяснена.

⁵⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 7.

⁵¹ П. Шмидт изложил свои взгляды в ряде статей, напечатанных в журнале «Acta Universitatis Latviensis» (см. P. Schmidt, The language of Negidals, V, 1923; The language of Olchas, VIII, 1923; The language of Oroches, XVII, 1928). В книге И. Лопатина «Гольды» (Владивосток, 1922) опубликовано письмо П. Шмидта, где изложены его взгляды по данному вопросу. Теория П. Шмидта о палеоазиатах в Маньчжурии была поддержана С. М. Широкогоровым (S. M. Shirokogoroff, Social organization of the Northern Tungus, Shanghai, 1929, стр. 142—146). Однако если Шмидт считал население Маньчжурии палеоазиатским вплоть до X в. до н. э., то Широкогоров даже в отношении сушэней не дает ясного ответа — были ли они тунгусами или палеоазиатами. Современный китайский этнограф Лин Чунь-шэн (Ling Chun-sheng, The goldi tribe on the lower Sungari River, Nanking, т. I—II, 1934, Введение), следуя П. Шмидту и С. Широкогорову, признает существование дотунгусского населения в Маньчжурии; но он оставляет открытым вопрос о принадлежности сушэней к палеоазиатам или к тунгусам. Этот вопрос требует еще больших и углубленных исследований. Мы хотим здесь лишь обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство: все китайские источники, говоря о сушэнях, сообщают, что они делали стрелы из дерева «ку». Данных о языке сушэней чрезвычайно мало; указанный же термин повторяется в том же значении у современных нивхов — палеоазиатской группы, живущей в низовьях Амура и на Сахалине. Думается, что такое совпадение не может быть случайным. Правда, нивхи словом «ку» называют стрелы, а не дерево, из которого они изготовлялись, но нам такое различие не представляется существенным.

⁵² Черноречные мохэ жили за границами Бохайского государства. В южной Маньчжурии также имелись группы мохэ, не вошедшие в его состав. В китайской хронике имеется интересное сообщение о том, что земли Боцзи были разделены между Бохай, Мохэ и Синьло (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 129). Бохай и Синьло были государственными образованиями, а что представляли собою южные мохэ — неизвестно. В начале VIII в. Бохай и Мохэ совместными силами опустошили г. Дын-чжеу в южной Маньчжурии (там же, стр. 133).

Древнейшая история народностей Советского Дальнего Востока и Маньчжурии, тесно связанных между собой уже в весьма отдаленные времена, до сих пор еще недостаточно изучена, а такое изучение могло бы пролить свет на сложные вопросы этногенеза. Значительную роль в решении проблем, касающихся этногенеза и истории народностей нашего Приамурья и Приморья, а также обширной территории Маньчжурии, должны сыграть археологи, для чего необходимо широким фронтом проводить на этой территории археологические исследования в сочетании с этнографическими и лингвистическими.

В заключение хочется обратить внимание на то, что территория низовьев Амура и Уссурийского края историками, археологами и этнографами часто рассматривается как единая. Это не совсем правильно. Когда речь идет о прошлом Уссурийского края, то можно говорить и о Бохайском (VIII—X вв. н. э.) и о Цзиньском (XI—XII вв. н. э.) государствах, периферией которых являлись южные районы Уссурийского края. Что же касается населения отдаленной территории низовьев Амура, то оно не входило непосредственно в состав двух указанных государств. На нижнем Амуре мы видим только остатки землянок, керамики и примитивных орудий, а памятник более высокой культуры относится лишь к началу XV в., когда на Тырской скале была сооружена стела в память о походе сюда китайцев (как известно, и этот поход не привел к установлению тесных связей китайцев с местным населением). Таким образом, население низовьев Амура и северной части Приморья развивалось относительно самостоятельно от населения более южных районов, хотя нельзя не учитывать влияния на него высоких южных культур и цивилизаций.
